

отною не неполноценность рас. Заслуживает внимания упоминание о том, что в книге анализируется возникновение и подъем антиколониального движения. «Настало время», — говорится в издательском предисловии, — когда мы, немцы, не можем предоставить разработку мирных проблем колониализма только иностранцам».

Драшер старается доказать, что он выступает против «унижения» цветных людей. Он упрекает белых расистов за то, что они придают слишком большое значение цвету кожи, тогда как «цвет кожи ничего не говорит о характере, поведении и внутренних достоинствах человека». Однако он тут же пускается в рассуждения о том, что северные европейцы меньше смешивались с «цветными» народами, чем южные европейцы, и потому сохранили «чистоту своей расы». Одно это рассуждение полностью зачеркивает сентенции автора о его любви к «цветным» народам. Именно «чистоту» северо-европейской германской расы гитлеровцы использовали в качестве аргумента для своих притязаний на мировое господство.

Разумеется, признает автор, европеец чувствует, что его жизненное пространство страшно сузилось, его престиж падает, а его призвание глашатай прогресса человечества поставлено под вопрос. Антиколониализм повсюду активизировался. В чем же выход из положения? А вот в чем.

Во-первых, теперь нельзя обращаться с «цветными» высокомерно. Нужно «уметь подать руку цветному». Среди них уже много образованных людей. Вы представляете себе, что произойдет, если белый заговорит с «цветными» на ломаном английском языке, забудет поблагодарить за услугу, даст ему в какой-либо форме понять, что считает его человеком низшей расы! Все это не может не вызвать ненависти у «цветных» к белым. От всего этого нужно отказаться.

Во-вторых, рассуждает автор, стоит ли вообще добиваться полного равенства между белыми и «цветными»? Нет. Красота и богатство человеческой природы состоят как раз в различии рас, в их особенностях. Душа и чувства человека не должны насильствоваться. И если белые в Америке или в Южно-Африканском Союзе не хотят совместного обучения детей в школах, то ничего плохого в этом нет, напротив, подчиниться здесь требованию «цветных» было бы преступлением против

морали и этики, нарушением свободы человека (стр. 310). Более того, автор усматривает опасность не столько в дискриминации «цветных», сколько в дискриминации белых со стороны «цветных». Как это ни глупо, он силится доказать, что такие факты сплошь и рядом имеют место в мире. Как же! Власти в Калькутте заявили, что они закроют все клубы для белых, если туда не будут принимать индийцев. Драшер даже сочиняет сказку, будто в Китае законом запрещены браки между китайцами и белыми, и резюмирует: «не каждому поровну», а «каждому свое» — вот что должно стать лозунгом наших дней.

В-третьих, учит «теоретик», надо перестать показывать азиатам и африканцам европейскую культуру в неблагоприятном свете. Когда они смотрят бесчисленные фильмы с гангстерами и проститутками, они начинают думать, что это типично для жизни американцев и европейцев.

В-четвертых, нужно предоставить «цветным» право на самоуправление. В конце концов среди них есть способные люди, которые сумеют выполнить задание своих «мудрых» белых покровителей.

В-пятых, следует, конечно, развивать промышленность в Азии и Африке, но не нужно действовать здесь поспешно и неразумно. «Не задумываясь, цветных позна-

комили с современной техникой. Их приучили руководить большими организациями, причем они тесно соприкоснулись с социалистическими и даже с коммунистическими идеями. Удивительно ли, что заморские народы начали сомневаться в том, действительно ли белый человек заслуживает того уважения, которого он добился, пользуясь своим престижем?.. Белые, кажется, забыли, что они завоевали свое преимущественное положение в этих странах не столько благодаря своему техническому и военному превосходству, сколько благодаря психологическим предпосылкам» (стр. 54). Итак, не нужно позволять народам Азии и Африки индустриализировать свои страны, им достаточно быть благодетельствованными «психологическим воспитанием европейцев».

Драшер считает, что в будущем воцарится новый международный порядок, более совершенный и справедливый. «Колониализм был лишь одним из путей, которые ведут к этой цели», «не будем его осуждать», — говорит Драшер, — тем более, что наши предки честно служили ему и принесли много жертв для создания этой предпосылки нового порядка в мировом обществе».

Побольше гибкости, побольше хитрости, иначе восторжествует коммунизм — такова суть рецептов автора.

Г. ЕГОРОВ

## ФРАНЦУЗСКИЕ АПОЛОГЕТЫ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

Известное голландско-французское издательство «Мутон» выпустило в свет первый номер журнала «Труды по изучению Африки». Новый журнал, несомненно, привлечет к себе внимание научной общественности, так как в состав редакционного совета вошли такие видные французские востоковеды, как Жорж Балландье,

«Cahiers d'études africaines», École Pratique des Hautes Études, Sorbonne, VI section: sciences économiques et sociales, Paris, Mouton, 1960, № 1.

Анри Бруншвиц и другие. К тому же «Труды» издаются Научно-исследовательским институтом экономики и социологии при Сорбонне.

Уже по первому, программному номеру журнала можно безошибочно судить о его направленности. Это не только попытка исторически оправдать старую колониальную систему империализма, но и представить неоколониализм (по претенциозной терминологии журнала, «деколониацию») как морально-политический долг метрополий, взваливших на себя «бремя» политического и

экономического руководства бывшими колониальными народами, в первую очередь африканскими. Эта теория с предельной ясностью обоснована Анри Бруншвигом в его статье «Колонизация — деколонизация. Исследование об обиходных терминах колониальной политики».

Автор, взявшись за столь неблагодарную задачу, прежде всего исходит из той предпосылки, что в истории нашей цивилизации колониализм был прогрессивным явлением для народов Азии и особенно Африки. Англичане научили население Сьерра-Леоне пользоваться всеми благами современной культуры, научили торговать, установили внутренний мир и общественный порядок. «Это была колония, но с черным населением, Новая Англия, так как миссионеры и администраторы создали здесь британскую цивилизацию, но для цветных» (стр. 45—46).

Теми же чертами человеческого благородства автор наделяет французских колонизаторов Сенегала, Габона, Гвинеи, Мадагаскара, Коморских островов, французских «протекторов» Туниса, Марокко, так как «Республике Свободы, Равенства и Братства, — высокопарно провозглашает Бруншвигом, — не приличествовало применять в отношении другого народа циничные и грубые методы» (стр. 47—48).

Для Бруншвига колониальный империализм — его ничуть не смущает этот термин — является высшим этическим проявлением европейской культуры. Попутно он полемизирует с марксистско-ленинским пониманием империализма, сокрушаясь, что Ленин, не разобравшись якобы в империализме, «пренебрегал, быть может, наиболее замечательной чертой его — моральным аспектом» (стр. 50).

«Разделавшись» с марксизмом, автор в доказательство правильности своих взглядов на колониализм ссылается на гуманные побуждения таких его протагонистов, как создатель французской колониальной империи Жюль Ферри, бельгийский король-спекулянт Леопольд II, идеолог английского империализма демагог Дилк, глашатаи немецкого колониализма Хюббе, Шлейден и другие. «Они восстановили гуманные тезисы противников рабства, миссионерские идеи церкви. Они превратили в светские организации миссионерские общества, сделали их национальными органами. Расизм для них не был

доктриной уничтожения, каким он стал во времена Гитлера, но идеалом цивилизации, любви и прогресса... империалисты 1890 года имели чистую совесть» (стр. 51). После такой моральной преамбулы Бруншвигом так формулирует свое понимание сущности империализма: «Итак, колониальный империализм можно определить как экспансионистский национализм, связанный с экспортом капиталов в поисках прибылей от эксплуатации новых ресурсов во имя великих благ как для колонизаторов, так и для колонизируемых» (стр. 51).

Такова парадоксальная наукообразная теория французского востоковеда о классическом колониализме. Позволительно спросить господина Бруншвига, знаком ли ему опубликованный во Франции труд известного ученого, индийского посла в Париже К. Паниккара «Азия и господство Запада», где документально доказано, что европейское владычество помешало нормальному историческому развитию народов Востока, обрекло их на культурную отсталость, нищету и вырождение. Разве не симптоматично, пишет Паниккар, что за 400 лет западного господства христианские церкви насчитывают в Индии и Пакистане только 200 тысяч последователей? Известна ли Бруншвигом книга африканского исследователя Мемми «Портрет колонизируемого», раскрывающая всю глубину унижения колониальных народов, находящихся под французским господством, или «Суд над колониализмом» Жака Арно, доказавшего, что владычество европейцев в Африке обошлось африканцам в 100 миллионов человеческих жизней? Мы уже не говорим о том, что за время господства бельгийских моралистов — от Леопольда II до Бодуэна — в Конго население этой страны уменьшилось в два раза. О таких общеизвестных вещах господа колонизаторы предпочитают не вспоминать. Но нас интересует другое: какие страсти руководили Бруншвигом, когда он черным по белому изобразил классический колониализм как социальный и культурный прогресс в истории человечества?

Современные колониалисты прилагают все усилия, чтобы новыми методами и в новых формах сохранить колониальную эксплуатацию народов бывших колоний, удержать все рычаги политического влияния и экономического контроля в странах Африки. Вот почему автор, рассматривая неоколониализм в ка-

честве законного политического и «морального» правопреемника классического колониализма, ратует за новые формы взаимоотношений между метрополиями и бывшими колониями в виде «союза, интеграции, федерации» (стр. 52). Предоставим слово самому автору: «Эти последние формы колониализма могут заменить империалистическое господство новыми политическими связями... Такой колониализм, который удовлетворяет эмоциям и настроениям националистов, теряет свою прелесть в глазах налогоплательщика и капиталиста, который не желает сидеть со связанными руками. Поэтому и тот и другой благожелательно относятся к деколонизации, порожденной колониализмом» (стр. 52).

Развивая дальше свою мысль о «деколонизации» как законном наследнике классического колониализма, Бруншвигом знакомит нас с подробностями неоколониалистской кухни французских империалистов. Методы этой политики автор формулирует таким образом: «помощь» слабообразным странам Африки; гарантия прогиба возможности национализации иностранных капиталовложений; номинальная политическая независимость, перерастающая при наличии тесной экономической связи африканских стран с метрополией во «взаимозависимость» по типу Французского союза, Британского содружества наций или других форм «интеграции, федерации»; образование африканской элиты, которой неоколониализм передоверит административные функции в новых государствах Африки, тем более, что такая форма «взаимозависимости» обходится дешевле прежней колониальной администрации. Автор уверен, что реакционные верхи в бывших колониях клонятся на эту приманку: «Колонии в целом не желают разрыва экономических связей с метрополией. Они удовлетворяются политической независимостью и надеждой восстановить и создать национальную культуру» (стр. 53).

Появление нового теоретического журнала французских неоколониалистов — не случайное явление. Неоколониалисты хотят подвести теоретическую базу под современную французскую политику в Африке. Но это весьма сомнительное подспорье в столкновении французского империализма с непреодолимым столкновением народов африканского материка к подлинной, а не мнимой свободе.

С. МАКСИМОВ